

м а с т е р к р и м и н а л ь н ы х т а й н

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

**РАЙ
ОБРЕЧЕННЫХ**

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Абдуллаев, Чингиз Акифович.

А13 Рай обреченных / Чингиз Абдуллаев. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Абдуллаев. Мастер криминальных тайн).

ISBN 978-5-04-105129-7

В кавказском поселке Умбаки находится жуткое место – лепрозорий, где доживают свою жизнь десятки «живых трупов». Время словно замерло здесь; ничто не тревожит вялое течение жизни. Но вот однажды в Умбаки произошло неслыханное: ночью кто-то убил человека! Майор Шаболдаев – оперативник, которому поручено расследование этого дела, – убежден, что преступление совершил кто-то из местных. По фотографии удастся установить личность убитого. Это врач-гинеколог из соседнего города, известный тем, что уже давно занимался нелегальными абортами...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Абдуллаев Ч.А., 2019
© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105129-7

РАЙ ОБРЕЧЕННЫХ

Скажи: «Если я заблудился,
то заблуждаюсь во вред самому себе,
а если иду прямым путем, то от того,
что внушил мне мой Господь...»

*КОРАН,
Сура 35, Ангелы 49 (50).*

Ибо они народ, потерявший рассудок,
и нет в них смысла.

ВТОРОЗАКОНИЕ, 32:28

Автор бывал в местах, которые описаны в повести. Некоторые персонажи списаны с реальных лиц, другие не очень похожи на тех, кого довелось встретить. Эта история случилась во времена, когда Империя уже начинала распадаться.

Мужеству обреченных автор посвящает эту книгу.

Глава 1

Казалось, это место было проклято богом.

В зимние месяцы сюда почти никто не приезжал — шоссейная дорога пролегла довольно далеко, рейсовые автобусы не ходили, а случайные машины лишь иногда отваживались свернуть с тракта, чтобы добраться в непогоду до этого маленького поселка с таким смешным и немного странным названием — Умбаки.

В летние месяцы, когда беспощадное солнце выжигало все вокруг и даже чахлый кустарник скручивался, сжимался, клонился к земле, пытаясь сберечь в себе влагу, здесь очень редко бывали гости.

Люди навещали своих близких, знакомых по прежней жизни. Но встречи были столь тягостны для обеих сторон, что, приехав раз-другой, человек больше в этих местах не появлялся.

Когда в поселке находился чужак, жители обычно прятались от него, старались не попадаться ему на глаза, чтобы не добавлять в его душу страха, неуверенности и растерянности от собственной смелости.

Долгие месяцы поселок существовал сам по себе, словно отрезанный от всего мира.

Иногда, примерно раз в год, сюда привозили новичков. Это было событием для всех, нетерпеливо ожидавших новых вестей, новых историй, новых знакомств. Особенное оживление царило в случае приезда молодых женщин, которых в поселке было лишь несколько. По несправедливой логике судьбы молодые женщины были самыми редкими гостями этого странного места.

Оно было странным для одних, таким обжитым для других и очень страшным для многих. Ибо это был единственный на юге страны лепрозорий, в котором жили и умирали больные лепрой. Или иначе говоря — прокаженные, те самые, которых Бог решил пометить, посылая на них эту проклятую болезнь. Никто не знал, почему и как она зарождается в человеческом организме. Работавшие тут десятилетиями врачи и санитары не боялись ее, словно заговоренные. Она не передавалась никаким путем: ни через одежду больных, ни через общение с ними. Она не передавалась даже в результате случайных соприкосновений, иногда происходивших между работниками учреждения и больными. Она не передавалась никак. Но не всем.

Из каждых десяти тысяч людей один мог «заразиться» проказой. И этот один получал весь свой земной ад в полном объеме. Никакие лекарства не помогали, любые врачи были бессильны. Больного сначала лечили: пичкали таблетками, мучили уколами, возили к специалистам, а затем, когда проказа уже начинала свой губительный путь, уродуя его тело, обреченного отвозили в Умбаки.

Здесь никогда не было тех, кто мог выздороветь. Пока оставалась хоть какая-то надежда, человек боролся, но предпочитал находиться не здесь. Когда надежда исчезала, он появлялся в Умбаки.

Казалось, что эти больные сходили прямо с картин Брейгеля или Босха — такими чудовищными, отвратительными были несчастные обитатели Умбаки. Болезнь могла поразить любую часть тела. Гниение начиналось с руки или ноги, с головы или плеча. По какой-то (чьей?) иронии у женщин почти всегда оставались нетронутыми лица, тогда как у мужчин проказа чаще всего начиналась именно сверху.

К началу восьмидесятых в поселке насчитывалось около двухсот больных, восемь врачей, человек тридцать сотрудников больницы, необходимых для поддержания в ней должного порядка, — санитаров, уборщиц, электриков и водителей.

В поселок почти никогда не приезжали комиссии. Даже чиновники из Министерства здравоохранения, обязанные по долгу службы бывать хотя бы ежеквартально, появлялись здесь один раз в не-

сколько лет, торопясь отметить и почти сразу же уехать.

При этом живущие в поселке знали, что через несколько километров, за поворотом, там, где проселочная дорога выходила на шоссе и где находился небольшой источник, машина обязательно останавливалась. Всякий проезжавший обычно привозил с собой бутылку спирта, чтобы протереть руки и лицо еще до того, как выедет на дорогу, ведущую в город. Некоторые припасали даже канистру спирта и умудрялись протирать всю машину, опасаясь стать одним из десяти тысяч, кого может коснуться эта непонятная зараза.

Вот однажды в Умбаки приехала очень важная дама — секретарь районного комитета партии.

По сложившейся традиции в райкомах партии первые секретари были представителями коренной национальности, вторые обычно — русскими, а третьи в обязательном порядке — женщинами.

В районе, где находился лепрозорий, должности почему-то распределялись иначе. Первые секретари всегда были русскими. Вторые секретари представляли коренную национальность, а третьи всегда подбирались из лучшей половины человечества.

Первым секретарем здешнего райкома партии был Яков Александрович Тоболин. Его совсем не оскорбляло, что свою должность он занял исключительно в силу отпущенного лимита. Наоборот, он был вполне счастлив и доволен сложившимся положением. Невысокого роста, с довольно заметным брюшком, он обладал мирным, покладистым

характером. Район регулярно выполнял план, как положено, — на сто один процент, почти все предприятия регулярно отчитывались, доводя своими приписками среднюю цифру плана до положенной.

В районе все было спокойно и чинно. Если не считать того странного обстоятельства, что этот район был своеобразной криминальной зоной. Здесь располагались сразу четыре колонии (в двух из них содержали особо опасных преступников) и четыре спецкомендатуры, заключенные которых работали в находившихся рядом каменоломнях.

И хотя за всем этим хозяйством должны были приглядывать высокие чины из МВД, тем не менее наличие такого количества закрытых учреждений на территории района было само по себе очень неприятно, а инструкторам райкомов еще и вменялось в обязанность регулярно бывать в колониях, где существовали свои партийные и комсомольские организации, в состав которых входили офицеры и другие сотрудники.

Вторым секретарем районного комитета партии был Гусейн Фархадович Малиев, бывший боксер и бывший организатор комсомольских студенческих отрядов. Выпускник физкультурного института, он по неведомой разнарядке попал в эту глушь на должность второго секретаря, курировавшего промышленность, и работал здесь, явно пренебрегая своими обязанностями.

По установившемуся здесь правилу в случае смены Тоболина на его место обязательно был бы подобран функционер с русской фамилией. Зная

об этом, второй секретарь не горел на работе и придумывал всяческие способы, чтобы покинуть этот неперспективный район и перебраться «в центр».

Третьим секретарем была Кусаева. Также выдвинутая из комсомола и попавшая на должность благодаря строгой разрядке, она славилась своим образцово-показательным отношением к делу. Раньше работала в общем отделе горкома комсомола, потом перешла на пропаганду и соответственно занималась вопросами политпросвета и пропаганды. В колонии доставлялись плакаты с наглядной агитацией о всепобеждающей силе ленинизма, на каменных карьерах проводились беседы о последних Пленумах ЦК КПСС, так много значивших для работающих там заключенных.

Именно Кусаевой и было поручено проведение партийного собрания в лепрозории, где было аж четыре коммуниста — главный врач, еще один из больных плюс водитель и санитарка. Причем последняя была принята в партию недавно, так как подходила по разрядке, спущенной сверху.

О том, чтобы отказаться от поездки в «страшное место», не могло быть и речи. Партийные функционеры обязаны были выполнять все поручения, безропотно подчиняться, и третьему секретарю райкома пришлось согласиться и, будто в наказание, ехать в Умбаки. Правда, она поехала не одна, а в сопровождении машины ГАИ. Да еще был придан ей инструктор с непривычным именем Платон, который удостоился чести сесть в один автомобиль с секретарем районного комитета партии.

Приехав в поселок, секретарь райкома даже не вышла из машины. Она заперла изнутри все двери, поручив проведение собрания инструктору.

Тихий, спокойный, интеллигентный человек, Платон был журналистом по образованию, а в райком партии попал случайно, из-за своего умения писать вместо руководителей статьи в газету и доклады к торжественным заседаниям. Он подчинился Кусаевой и провел отчетно-выборное собрание, стараясь ни к чему не притрагиваться.

Главный врач, пожилой человек лет шестидесяти, понимал состояние «высоких гостей». Все его разъяснения на них не подействовали. Секретарь райкома не пожелала выходить из автомобиля, а Платон, быстро проведя собрание, состоящее из короткого отчета неосвобожденного секретаря партийной организации (водителя лепрозория) и его последующих безальтернативных перевыборов, покинул кабинет главного врача, даже не пожав никому руки на прощание. По предложению секретаря райкома он сел в машину ГАИ, и они покинули поселок.

Доехав до источника, обе машины остановились, и «процедура спиртовой очистки» была соблюдена полностью. При этом, по просьбе секретаря райкома, ей почистили и всю машину. Сотрудники милиции старались вовсю. Они знали строгий нрав третьего секретаря.

Так вот и текла жизнь в этом странном поселке Умбаки, в этом единственном лепрозории на юге страны. Пока здесь не произошло убийство.